

Мурзилка 1962/11

Детский журнал

УДК 82-1--053.2
ББК 84-5
М91

М91 Мурзилка 1962/11: Детский журнал / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-458-40919-3

Один из лучших детских журналов в СССР

ISBN 978-5-458-40919-3

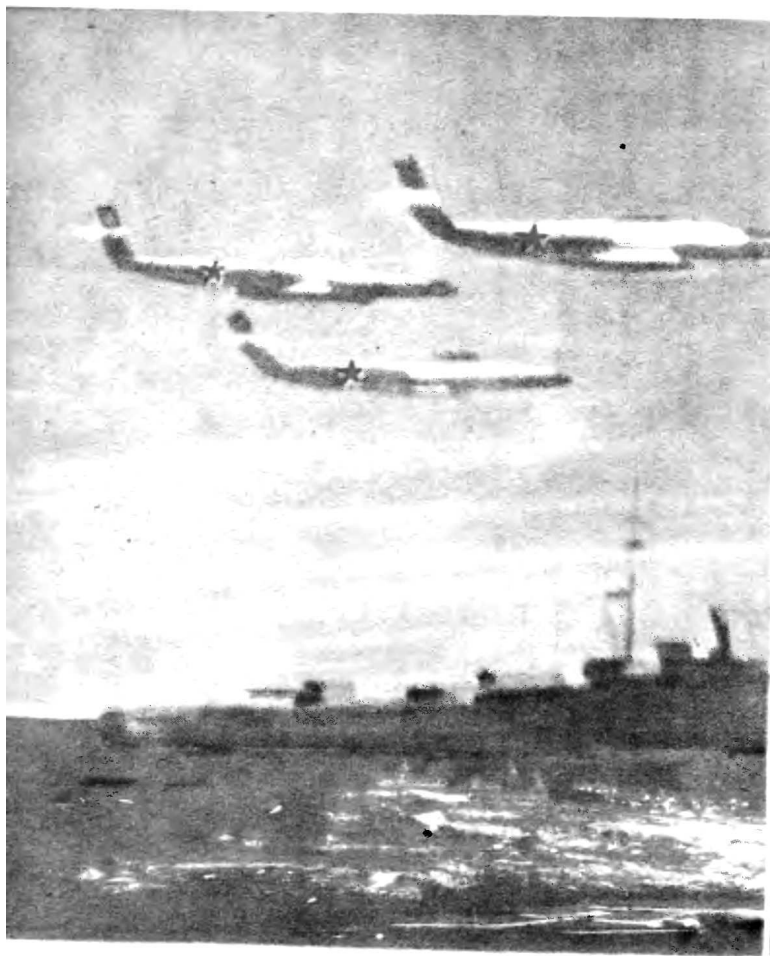
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Помолчали. Потом матрос спросил:

— Что же у тебя, друг, мороженое растаяло?

— Да так вот, — вздохнул мальчишка, — жарко.

С водной станции они возвращались вместе. Матрос подошёл к ларьку, купил мороженое, протянул мальчишке.

И опять пошли вместе. Мальчишка шёл рядом и предупреждал своего знакомого, чтобы тот вовремя отдавал честь.

Мальчишка тоже очень хотел отдавать честь встречным морякам. Но ему нельзя. У него ведь нет бескозырки.

— Дядя матрос, а кто первым должен отдавать честь, если навстречу идут двое с одинаковыми погонами?

— Тот, кто самый вежливый.

— Дядя матрос, а что мне сейчас сделать, чтобы быть матросом?

Остановился матрос, сказал серьёзно:

— Вот начнём со штанишек. Лямочку вторую сам пришей. Понял?

— Ладно, — сказал мальчишка.

— Не «ладно», а «есть»!

— Есть! — засмеялся мальчуган.

Матрос постоял, постоял, а потом сказал:

— Пойдём к моему миноносцу. Подождёшь у трапа. Дело есть!

Пошли к миноносцу. Матрос пробежал по сходням, скрылся в броневом люке. А потом вернулся, в руках бескозырка и на голове бескозырка.

Надел белую бескозырку со звёздочкой на голову мальчугану, ленты расправил, довольный улыбнулся.

— Вот теперь можешь отдавать честь.

...И опять шёл мальчишка по Севастополю. Шёл один. Важный, подтянутый. И штаны на двух лямочках. Только одна белыми нитками пришита. Ну, ничего. Зато на голове настоящая матросская бескозырка. Поравнялся с бронзовым адмиралом и отдал честь. Прошёл мимо, оглянулся. И показалось мальчишке, что адмирал встал по стойке «смирно».

НАШ ГЛАВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

3 ноября Самуилу Яковлевичу Маршаку исполнилось 75 лет. Мы все дружны с Маршаком с самого детства. Едва научимся говорить и понимать, как к нам приходит Глупый Мышонок, рядом с нашей кроваткой его начинают укладывать и баюкать разные зверушки. Тихо открывается дверь, в комнату входят тихие ёжики, начинается вечерняя Тихая Сказка...

А потом и дома и в детском саду рядом с любимыми игрушками поселяется смешной Человек Рассеянный.

Когда по утрам приносят письма и газеты, нам кажется, что пришёл «с толстой сумкой на ремне» почтальон из маршак-овской «Почты», если мимо нас проезжает пожарная машина, то в каждом пожарном хочется нам увидеть отважного Кузьму.

Но вот мы подросли и пошли в школу. Самуил Яковлевич Маршак напутствует нас и поздравляет с праздничным первым днём учёбы. Проходит немного времени, и мы уже сами можем читать книги. Мы теперь большие, и любимый писатель беседует с нами, как с большими. Он рассказывает дореволюционную быль о нашей стране, которая сейчас нам кажется небывлицей. Мы узнаём от него, как советские люди побеждают врагов и как они покоряют природу, откуда пришёл к нам стол и как печатали книгу.

Писатель сердится и высмеивает нас, если мы плохо учимся. Ну, не стыдно ли решать задачи так, что в ответе получается «два землекопа и две трети», и не позор ли лодырям, которые отправляются на каток, когда в школе идут уроки?

А ещё Самуил Яковлевич знает много разных сказок и песенок: и латышских, и армянских, и чешских, и английских. Он пересказывает их нам по-русски.

Детство проходит, а трудолюбие, доброта, любовь к Родине, привитые с малых лет, остаются на всю жизнь. И всю жизнь мы любим нашего доброго и мудрого воспитателя Самуила Яковлевича Маршака.

И. ТОКМАКОВА

КОТ И ЛОДЫРИ

С. МАРШАК

Собирались лодыри
На урок,
А попали лодыри
На каток.

Толстый ранец с книжками
На спине,
А коньки под мышками
На ремне.

Видят, видят лодыри:
Из ворот
Хмурый и ободранный
Кот идёт.

Спрашивают лодыри
У него:
— Ты чего нахмурился,
Отчего?

Замяукал жалобно
Серый кот:
— Мне, коту усатому,
Скоро год.
И красив я, лодыри,
И умён,
А письму и грамоте
Не учён.

Рис. А. ПАХОМОВА

Школа не построена
Для котят.
Научить нас грамоте
Не хотят.

А теперь без грамоты
Пропадёшь,
Далеко без грамоты
Не уйдёшь.

Ни попить без грамоты,
Ни поесть,
На воротах номера
Не прочесть!

Отвечают лодыри:
— Милый кот,
Нам пойдёт двенадцатый
Скоро год.

Учат нас и грамоте
И письму,
А не могут выучить
Ничему.

Нам учиться, лодырям,
Что-то лень.
На коньках катаемся
Целый день.

Мы не пишем грифелем
На доске,
А коньками пишем мы
На катке!

Отвечает лодырям
Серый кот:
— Мне, коту усатому,
Скоро год.

Много знал я лодырей
Вроде вас,
А с такими встретился
В первый раз!

Ребята, отгадайте, к каким стихам С. Я. Маршака
художники Кукрыниксы нарисовали эту картинку.

ОДЕВАТЬСЯ НЕ МОГУ:
СВОИ СИЛЫ БЕРЕГУ.

ЭДЕЛЬВЕЙС

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рис. И. ГРИНШТЕЙНА

Морис лежит на плоском уступе скалы и, свесив голову, смотрит вниз. На отвесной известняковой стене над зелёной бездной мерцают белые звёзды эдельвейса.

Не часто выпадает человеку счастье найти этот цветок и ещё реже — сорвать его. Эдельвейс любит недоступные места и тихое одиночество. Недаром иностранцы платят за него большие деньги.

Рядом с Морисом сидит его верный друг Джимм и внимательно следит за хозяином, будто понимает, что тот замышляет опасное дело. Собака поводит чуткими ушами. В кустах бродят коровы, позвякивают тяжёлыми колокольцами, подвешенными на шеях. «Зде-е-есть мы! Зде-е-есть мы!» — отдаётся многоголосое эхо в горах.

— Как ты думаешь, Джимм, завладеем мы этими цветами? А?

Джимм скашивает умные глаза на хозяина и молчит.

— Нет, не добаться нам до них, нет! — вздыхает мальчик. — Собирай коров, пора домой.

Морис свистнул, и Джимм с громким лаем скрылся в кустах. Веселее зазвенели колокольцы, коровы стали послушно спускаться вниз.

У моста Морис заметил незнакомых людей — мужчину и женщину. Они стояли в стороне, ожидая, пока пройдут коровы и уляжется густая пыль.

— Мальчик, ты не скажешь, где здесь можно переночевать? — спросил мужчина, когда Морис поравнялся с ним. Из-под войлочной шляпы глядели весёлые карие глаза.

— Я спрошу у отца, — неопределённо ответил Морис, разглядывая туристов.

Мужчина держал под руку женщину с пышными светлыми волосами. У обоих за спиной рюкзаки, в руках альпийские палки.

Иностранцы редко заглядывали в эту, ничем не примечательную деревушку в распадке гор.

Крестьянским домам они предпочитали удобные отели, опасным крутым тропинкам — подвесную дорогу.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна любили бродить по диким местам и отдыхать среди простых людей.

— Речка-то как звенит, словно хрустальные камешки перекачивает, — прислушивалась Надежда Константиновна, когда они договорились с лесорубом о ночлеге и устроились на крыльце отдыхать.

— Очень, очень хорошо здесь, но скажу тебе по секрету, — и Владимир Ильич наклонился к жене, — на Волге всё же лучше. И красивее берёзовой рощи я ничего на свете не видал. Только здесь, вдали от родных мест, ощущаю я это со всей силой.

Надежда Константиновна понимала — тоскует по родине Ильич. Вынужденный жить в эмиграции в Швейцарии, он мыслями всегда там, в России.

Огромное солнце повисло над самыми вершинами, словно силилось растопить вечные льды. Высоко, над деревушкой, между пиками двух гор, плыл вагончик, поблескивая на солнце стёклами. Тросов снизу не было видно, и казалось, что вагончик, покачиваясь на ветру, плывёт на белом облаке.

Хозяйка принесла по кружке парного молока — белая пена возвышалась снежной вершиной.

Надежда Константиновна вошла на веранду, развязала рюкзак, разложила на столе снедь и пригласила к столу хозяев.

— Давайте поужинаем вместе.

Лесоруб с женой смущённо переглянулись и присели на скамейку. Владимир Ильич позвал и Мориса.

— Тогда будем считать, что у нас сегодня праздничный ужин, — сказал хозяин. — Есть у меня бутылка старого вина, сам делал и берёг для хороших людей.

Лесоруб присматривался к гостям.

— Из какой вы страны? — поинтересовался он.

— Из России. Слыхали? — отозвался гость.

— Из той самой России, из которой Суворов?

— Да, да.

— Великий человек... — заметил хозяин. — Каждый швейцарец знает это имя, каждый слышал о подвиге русских солдат. В последние годы наши газеты много писали о революции в России, о том, как она погибла...

— Нет, не погибла! — живо воскликнул гость. — Разве солнце, которое скоро скроется за снежной вершиной, погибает? Завтра оно засияет снова.

Много удивительного узнали лесоруб и его жена о далёкой России, о русских людях.

Морис сидел на крыльце, слушал и стругал букую палку.

— Что ты там мастерить? — спросил его русский.

— Стрелу, — ответил мальчик и показал глазами на стену дома, где были развешаны луки.

Владимир Ильич снял лук, натянул тетиву и поднёс к уху. Тетива зазвенела, как струна.

— Отличный лук, — похвалил гость. — Давай состязаться. Давно я не стрелял из лука. Видишь дупло в дереве? Целюсь в него.

Стрела взвизгнула, задела кору дерева и... нырнула в траву.

— Неудача! — огорчённо развёл руками гость. — Теперь твоя очередь.

Морис широко расставил ноги, затаил дыхание и прищурил левый глаз так, что морщинки побелели на его загорелом носу. «Дзинь!» — стрела вонзилась в рыхлый край дупла.

Владимир Ильич даже присел от радости.

— Вот это меткость! Из тебя получится великодушный стрелок.

Морис видел, что русский по-настоящему обрадовался его успеху и вовсе не завидовал.

— Вы тоже метко целитесь. Если постреляете ещё, то будете попадать в цель, как Вильгельм Телль. — Правила гостеприимства требовали похвалить гостя.

— Вильгельм Телль? — хитро прищурившись, спросил Владимир Ильич. — А кто же это такой?

— Вы не знаете нашего Вильгельма Телля? — Морис был изумлён. Да правду ли говорит русский? Кто же не знает об отличном стрелке, крестьянине Вильгельме Телле, жившем в этих местах много веков назад? Телль был смел и горд. Он не хотел кланяться шляпе австрийского императора, висевшей в швейцарском городе на шесте. Об этом учитель им ещё в первом классе рассказывал. Герцог решил жестоко наказать дерзкого охотника и приказал ему стрелять в яблоко на голове сына. Телль метко выстрелил, стрела расколола яблоко пополам. Вместе со своим сыном он отправился в горы, собрал народ, и они двинулись на австрийских поработителей.

— Для герцога Телль приберёт вторую стрелу и угодил прямо в его собачье сердце. Вот какой наш Телль, — заключил Морис, блестя глазами. — Он один-единственный во всём мире.

— В каждой стране есть свой Телль, — вмешалась в разговор жена русского. — В каждой стране трудовые люди восстают против своих поработителей.

— А кто в вашей стране Телль? — спросил её Морис.

— В нашей стране не один Телль, их много, — задумчиво ответила женщина, — и во всех странах их становится всё больше и больше.

Никогда ещё с Морисом не говорили, как со взрослым. Обычно иностранные туристы расспрашивали его, где и что можно купить. Они покупали всё: и игрушки кустарей, и старые, почерневшие от времени колокольцы с шеи коров, и кожаные альпийские штаны. Они увозили с собой даже альпийские луга.

Морис видел однажды, как туристы старательно вырезали куски дёрна с яркими цветами. Глупые, они не понимали, что цветы, унесённые с гор, тотчас погибнут. Чтобы альпийские цветы жили, нужно было прихватить с собой и кусок чистого голубого неба, и прозрачный воздух, и талые воды со снеговых вершин, и самую гору, на которой они росли...

Богатые туристы оставляли деньги, не замечая людей. Но разве в деньгах счастье? Человеку нужно прежде всего доброе, дружеское слово, оно ценнее денег...

Жаркое солнце коснулось снеговой вершины. Сразу стало темно и холодно.

Морис нехотя отправился спать. Ему снилась в эту ночь Россия, огромная географическая карта, и на ней Суворов со своими чудо-богатырями и этот русский гость.

Когда солнце выпустило из-за гор свои первые лучи, Морис вскочил с постели, тихо свистнул Джимма, и они умчались на утёс. Морис обвязал себя верёвкой поверх кожаных штанов.

— Ты не бойся, Джимм, — успокаивал он повизгивавшего от страха друга, — мы добудем эти цветы, обязательно добудем. — Мальчик закрепил второй конец верёвки за дерево и стал спускаться вниз по отвесной стене утёса. Вот уже ясно виден под ногами кустик белых цветов, последний бутон разжал два белых пальчика, похожих на льдинки, опушённые инеем. Ещё немного... ещё. Веревка натянулась, как тетива, а до цветка не достать. Ветер качал под ногами Мориса вершины деревьев и обнажал внизу бесконечные уступы и пропасти.

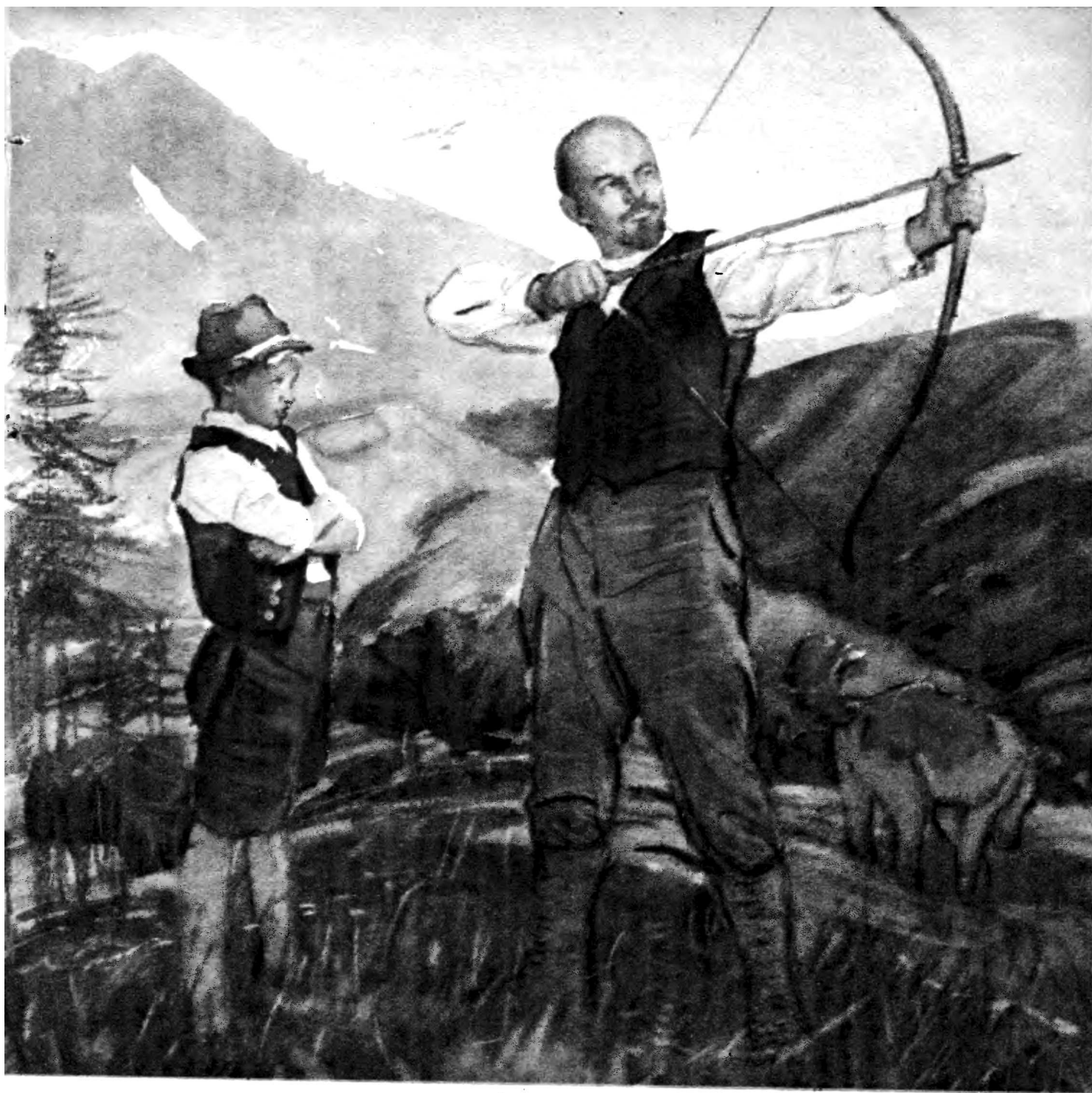
Морис отнял правую руку от верёвки и ухватился за корень, скользнул вниз по верёвке другой рукой и повис вниз головой над зелёной пучиной. Потом чуть качнулся и, приблизив лицо к цветку, откусил стебель у самого корня.

Наверху он отдышался, отвязал верёвку и впереворот с Джиммом помчался вниз, в деревню, заслоня ладонью драгоценную добычу.

Запахавшись, влетел в дом.

— Где наши гости?

— Ушли с рассветом, — ответила мать. — А где это ты пропадал? Забыл, что коров надо гнать на пастбище?

Морис кинулся из дому. Перебежал через мост, огляделся. По какой дороге они ушли? Разве узнаешь?

Морис побежал на утёс. Он вспомнил, что гость называл свою жену Надюша. Мальчик сложил руку трубкой, поднёс ко рту и закричал:

— На-дю-ша-а-а!

«Юша-а! Юша-а! Юша-а!» — прошелестело в горах.

«А как зовут его, русского?» — стал вспоминать Морис и не мог вспомнить.

— Те-е-елль! Те-е-елль! — кричал он и прислушивался.

«Эх, не знали они, какой подарок я им приготовил! — думал мальчик. — Почему они ушли так рано?» И почему он сразу не сказал им, что хочет подарить эти чудесные цветы? Куда они ушли?

Морис стоял и смотрел на звёзды эдельвейса: цветы были словно сотканы из причудливых голубоватых снежинок и опушены инеем.

— На-дю-ша-а-а! На-дю-ша-а-а! — кричал Морис.

«Юша-а-а! Юша-а-а! Юша-а-а!» — звали горы.

Владимир ЛИФШИЦ
Рис. Е. МОНИНА

ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ

Потому эту степь
Называют Голодной,
Что она никогда
Не была плодородной.

А она потому
Не была плодородной,
Что была, как сухарь,
Совершенно безводной.

Раскалённое солнце
В небесной лазури
Затмевали
Песчаные
Знойные бури...

Но, как видно, не зря
Потрудились узбеки,
И водой поделились
Далёкие реки.

И теперь не страшна
Человеку жарища —

Люди пашут,
И сеют,
И строят жилища.

В эту степь
Хлопкоробы шагнули
Не робко —
Возникают поля
Белоснежного хлопка!

Наступают деревья,
Как солдаты,
Рядами —
Покрывается степь
Молодыми садами!

— Мы труда не жалеем
Для пользы народной.
Час придёт —
Назовём тебя, степь,
Плодородной!

ДРУЗЬЯ

В деревне
Ты живёшь за Курском,

Он — за Хорезмом
В кишлаке.

Читаешь книжку
Ты — на русском,
Он — на узбекском языке.

Бежит во ржи
За Курском тропка.
Шумит лесок.
Течёт река.

А здесь поля
Белы от хлопка,
Похожего на облака.

Возможно,
Не сведёт вас случай,
Но и заочно
Вы дружны,
Вы оба
В доброй и могучей —
В Стране Советской
Рождены.

СЕСТРИЧКИ И КОСИЧКИ

У Гюльнары
Двенадцать косичек.

У Гюльнары
Двенадцать сестричек.

И у каждой
Из этих сестричек
По двенадцать
Таких же косичек.

Я хотел сосчитать
Все косички,
Из коробки я высыпал
Спички,
Я на спичках считал
И без спичек —
Не сумел
Сосчитать я
Косичек!..

Заплетают сестрички
Косички,
В каждой чёрной косичке
По ленте.

Я в Москве
Вспоминаю, сестрички,
Вас,
Живущих
В далёком Ташкенте.

ШЁЛК

Вот дерево.
Оно зовётся ТУТ.
А вот
На нём живущий
ШЕЛКОПРЯД.
Даёт он НИТЬ.
Из нитей
ТКАНИ ткнут.
Из тканей шьют
Для девочек
НАРЯД.

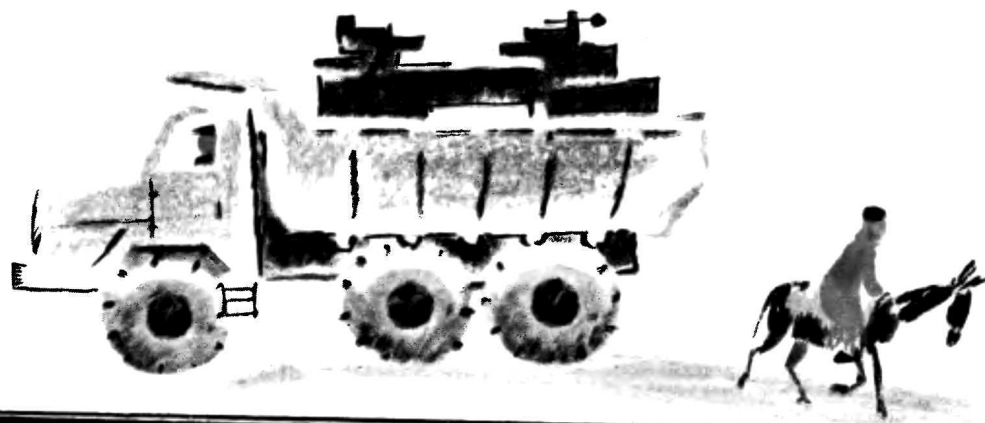
ОСЁЛ И ГРУЗОВИК

Вот осёл.
Он невелик.

А вот
Громадный
Грузовик.

Но осла
За то, что мал,
Мы корить не будем.

Он, конечно,
Невелик,
Он не то, что грузовик,
Но осёл
И грузовик —
Оба
Служат
Людам.

ПОЧЕМУ Н О Я Б Р Ъ П Е Г И Й?

Н. СЛАДКОВ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

Высунулась из-за леса снеговая туча, наделала в лесу переполоху.

Увидел тучу заяц-беляк, да как заверещит:

— Скорей, туча, скорей! Я давным-давно белый, а снегу всё нет да нет! Того и гляди охотники высмотрят!

Услыхала туча зайца и двинулась на лес.

— Нельзя, туча, назад, назад! — закричала серая куропатка. — Землю снегом засыплешь — что я есть стану? Ножки у меня слабые, как я до земли дорожусь?

Туча двинулась назад.

— Давай вперёд, нечего пятиться! — заворчал медведь. — Засыпай берлогу мою скорей: от ветра и мороза укрой, от глаза чужого спрячь!

Туча помедлила и опять двинулась на лес.

— Сто-ой, сто-ой! — завyli волки. — Насыплешь снегу — ни пройти, ни пробежать. А нас, волков, ноги кормят!

Туча заколыхалась и остановилась.

А из лесу крик и вой.

— Лети к нам, туча, засыпай лес снегом! — кричат одни.

— Не смей снег высыпать! — воют другие. — Назад поворачивай!

Туча то вперёд, то назад. То посыплет снежком, то перестанет.

Потому-то ноябрь и пегий: то дождь, то снег, то мороз, то оттепель. Где снежок белый, где земля чёрная.

Ни зима, ни осень!

